

Русские в современной Литве: меньшинство, диаспора или часть гражданского общества?¹

Наталия Касаткина

Институт социальных исследований, Литва

Определение и актуализация проблемы

Актуальность изучения русского и русскоязычного населения в странах Балтийского региона традиционно связывается с распадом Советского Союза и восстановлением государственной независимости Латвии, Литвы, Эстонии. При этом отмечается значительная численность русских, оказавшихся за пределами российских границ и уязвимость их положения: «... даже в сравнении с этой частью нерусских народов (русскоязычной. – *Н. К.*), русские в новых государствах российского зарубежья, а это, судя по последней переписи 1989 г., более 25 млн. человек (почти каждый пятый русский. – *Н. К.*), оказались, на наш взгляд, в более тяжелом положении» (Русские в новом зарубежье 1994: 4). Резкой перемене статуса русских (из доминирующего в меньшинственный) сопутствовало то, что восстановление государственности стран Балтии в значительной степени проходило под знаком противостояния союзному центру, отмежевания от всего советского, которое во многом соотносилось с «русским». В некоторых случаях «советское» и «русское» становилось синонимами («русская армия», «русская политика»), что, вполне понятно, осложняло адаптацию русского населения.

В эмпирических и теоретических исследованиях различных этнических групп (национальные меньшинства, этническое доминирующее большинство, иммигранты, беженцы) выделяются следующие основные факторы, которые определяют установки на аккультурацию и стратегии адаптации: добровольный или принудительный характер миграции, наличие самого факта миграции и продолжительность адаптации (Berry 1990). Но очевидно, что в случае с русскими (и русскоязычными) жителями стран Бал-

¹ Настоящая статья подготовлена на основании текста публикации: Касаткина, Н. «Адаптация русских в контексте этнической структуры современного общества Литвы». In: *Studia Slavica Finlandensia*. Tomus XXIII. Helsinki: Institute for Russian and East European Studies, 2006. P. 39–68.

тии и новых независимых государств ситуация более сложная. Н. М. Лебедева выделяет следующие факторы исключительности этой ситуации. Во-первых, отсутствие самого факта иммиграции, а точнее – *осознания* этого факта. Свободное перемещение в пределах бывшего Союза, в котором статус русского языка обеспечивал определенные преимущества в социальной мобильности. Во-вторых, по мнению Н. Лебедевой, идеология интернационализма в первую очередь оказала влияние на русских. Это привело к явлению «обезличения» (по определению И. А. Ильина), т. е. слабо выраженному осознанию своей этнической (культурной, конфессиональной) принадлежности. Третьим фактором оказался фактор «внезапности» и «стремительности», при котором адаптация носила вынужденный и сжатый во времени характер, что часто имеет разрушительный характер последствия (Лебедева 1997).

Обобщая вышеприведенные утверждения, Н. Лебедева особое внимание уделяет тому, что «жители независимых государств оказались внезапно и не по своей воле нежелательными иммигрантами в иных государствах, которые в течение сжатого времени приобрели ярко выраженную этнокультурную определенность и предъявили жесткие требования аккультурации иноэтнических жителей» (Лебедева 1997: 23–24).

Как можно прокомментировать вышеприведенные достаточно известные «аргументы и факты», многие из которых нашли подтверждение в проведенных исследованиях ученых разных стран? Мне трудно согласиться с оценкой исторической исключительности ситуации. Во-первых, русские уже были в меньшинственном статусе как в странах Балтии, так и в Финляндии, Польше, а потери русского населения после 1917 г. также весьма значительны и вполне сопоставимы с ситуацией после распада Советского Союза². Другой вопрос, как изучается и интерпретируется этот исторический опыт. Изучение русской эмиграции в 90-е годы приобрело масштаб, институционные формы, но в многоплановых междисциплинарных исследованиях не уделялось должного внимания проблемам социальной адаптации русских эмигрантов. Кроме того, факт распада империй в современном мире достаточно изучен, и при всей уникальности каждого события имеют место закономерности, в том числе и в ситуации имперского большинства на территориях бывших провинций. Сопоставимо ли это с положением русских в независимых странах? Но это скорее частное замечание. Как и тот факт, что происшедшие перемены поставили перед необходимостью адаптации к новым условиям все прежнее сообщество – сами государства, народы, социальные группы, каждого человека, а не только русских. Другой вопрос – об уязвимости и болез-

² Марк Раев приводит данные (на 1 января 1922 г.) о 668–772 тыс. не прошедших натурализацию русских беженцев в Европе и на Ближнем Востоке (Раев 1994: 261).

ненности перехода, радикальных трансформаций для тех или иных групп, той или иной части общества. Существенным пробелом в изучении ситуации русских мне представляется тот факт, что в полной мере не учитывается взаимосвязь между меньшинствами и доминирующим обществом, не принимается во внимание этническая структура общества. Что определяет положение меньшинственной группы в самой структуре, каковы ее основные элементы и каковы различия между элементами (сегментами) этой структуры?

Проблема этнических (национальных) меньшинств была успешно решена на начальном этапе современной государственности Литвы. Этому способствовала позитивная политика интеграции этнических меньшинств с начала 1990 г.: гражданские права были предоставлены всем постоянным жителям Литвы (независимо от этнического происхождения) и были приняты соответствующие правовые обязательства, в том числе ратифицирована Конвенция Европейского Совета по охране национальных (этнических) меньшинств³. И тем не менее, современные этнические процессы с трудом поддаются идентификации при помощи формальных правовых норм, поэтому возникает необходимость новых интерпретаций как феномена этничности, так и этнической структуры общества.

Значительная часть современных исследований (и проектов) в социологии посвящена изучению основных элементов этнической структуры общества – этническим группам. Не просто определить эти понятия, нет общепринятых определений и единой теории этничности, наверное поэтому У. Коннор сравнил этничность с хамелеоном (Connor 1997). Таким образом, последующие рассуждения есть не что иное, как поиски путей эффективного изучения, раскрытие содержания и смысла туманных «этнических процессов» в обществе.

Практика последних десятилетий показывает, что этничность – многослойное явление, тесно связанное с социальным контекстом, который не только оказывает влияние, но часто и определяет, конструирует ее. Поэтому исследователи при изучении этничности среди основных критериев выделяют не только субъективные основы, ее этнические границы (по Ф. Барту), но и механизмы выражения и поддержки этих границ.

³ Конституция Литовской Республики, законы Литовской республики «О национальных меньшинствах», «О гражданстве», «О государственном языке», «Об образовании», «Об ассоциациях», «Об общественном информировании», «О религиозных общинах и сообществах», «О политических партиях и политических организациях», «Об основах защиты прав ребенка», «О равных возможностях» и другие правовые акты. Ратифицирована Конвенция Совета Европы по защите прав человека и основных свобод, Европейская рамочная конвенция о защите национальных меньшинств, Конвенция ООН о ликвидации всех форм расовой дискриминации. До сих пор не ратифицирована Европейская хартия о региональных языках и языках меньшинств.

Для С. Лаллукки представляется важным, чтобы в этнических исследованиях не были обойдены вниманием те социальные структуры, которые формируют взаимодействие и управляют конкретными ситуациями как внутри этнических групп, так и за ее пределами (Лаллукка 1997: 19). По мнению В. Тишкова, этническую идентичность следует рассматривать скорее как форму социальной организации, чем выражение определенного культурного комплекса (Тишков 2003: 105).

Эти рассуждения поддерживают мое намерение использовать категорию этничности как элемент социальной классификации. Категории обычно выделяют, подчеркивают контрасты и позволяют определить состав (напр., людей, принадлежащих к той или иной этнической группе). Учитывая различные формы и интенсивность проявления этничности в обществе, далее можно предположить, что вместо понятия «этническая группа» у нас имеется шкала, которая определяет различные значения самой группы (Дробижева 2003: 120–122). Итак, одна и та же этническая категория, или «номинальная идентичность», принимает различные значения для разных индивидов и для разных обществ. Это позволяет перейти от дихотомии «этническое большинство» versus «этническое меньшинство» к более широкому спектру этнических категорий общества, напр., «исторические диаспоры», «новые диаспоры», «традиционные меньшинства», «новые этнические группы», «граждане инационального происхождения» и т. д.

Таким образом, можно продолжить и расширить исследование адаптации, где определяется влияние национальности на успех и неудачи людей в реализации их стремлений, до более обобщенной ситуации этнической группы и самих причин, определивших данную ситуацию.

Происшедшие за последние шестнадцать лет существенные перемены во всех сферах жизни – государственной, экономической, идеологической, культурной – поставили всех жителей Литвы (и стран Балтии) перед необходимостью адаптации к новым условиям. При этом развал СССР и восстановление государственности были наиболее значимыми факторами, переместившими этнические процессы из прежней советской республики в структуру нового общества. Как упоминалось ранее, особенно ощутимыми (и часто болезненными) социальные перемены оказались для представителей недоминирующих этнических групп новых государств (особенно для мигрантов послевоенного советского периода), оказавшихся, часто вопреки своему желанию, в статусе этнических меньшинств (Laitin 1998).

Трудности периода социальных и политических трансформаций были усугублены тем, что некоторые политики, общественные деятели поддерживали и развивали доктрину этнического национализма, часто в ущерб ценностям гражданского и демократического общества.

Предположение об особой уязвимости русского населения в переходный период наглядно отражено в тенденциях миграции первых лет новой государственности. По данным Министерства социальной охраны и труда Литовской Республики, в 1993 г. из Литвы эмигрировало 16 тыс. жителей, из которых 10 тыс. выехало в Российскую Федерацию⁴. Наиболее интенсивной реэмиграция была в 1992 г., когда Литву покинули 29 тыс. человек. За первые пять лет после восстановления государственности из Литвы выехали 96 тыс. человек, из которых 58 проц. составили русские (около 57 тыс.), 14 проц. – украинцы, 11 проц. – белорусы (Kasatkina, Leončikas 2000: 12). В последующие годы миграционные установки русских не отличаются от аналогичных установок жителей Литвы других национальностей. Изменились не только численность, интенсивность, но и вектор миграции. За прошедшие десятилетия из Литвы эмигрировало более четверти миллиона жителей разных национальностей, большая часть которых (около 60 проц.) эмигрировала неофициально. Из-за миграции меняется и демографическая структура общества: из Литвы уезжает молодежь, налицо «утечка мозгов» в страны Западной Европы, США, Канаду (Lietuva stojant į Europos Sąjungą 2004).

Итак, вполне уместно предположение, что миграция русского и русскоязычного населения в первые годы после восстановления государственности могла быть реакцией на шок переходного времени, на необходимость адаптации к новым условиям, на меньшинственный статус⁵. Конечно, миграционные процессы нельзя объяснить только статистикой (которая к тому же достаточно условна). Например, нет точного ответа на вопрос, какую часть от общего числа реэмигрировавших жителей Литвы составили военные и их семьи. Или работавшие на предприятиях военно-промышленного комплекса. Тем не менее, данные переписи 2001 года фиксируют не только численное уменьшение русского (украинского, белорусского) населения Литвы, но и изменение демографической струк-

⁴ За 1990–1994 гг. в итоге миграционного обмена с другими странами доля русского населения к началу 1995 г. по сравнению с 1989 г. в Эстонии снизилась на 9,6 проц., в Латвии (за 1991–1994 гг.) – на 7 проц., в Литве – на 10,1 проц. (Demographic statistics 1996: 13, 62–63).

⁵ В 70–80-х годах XX в. в исследованиях адаптации преобладала модель „культурного шока“ (Furnham, Bocher 1986; ср. Лебедева 1997). С начала 90-х годов более предпочитаемой и адекватной является так называемая модель „стресс аккультурации“ (Berry 1990). В этом случае термин „шок“ подразумевает негативный опыт адаптации в иной культуре (ситуации). J. Berry исследует ситуацию, когда люди не могут с легкостью изменить свой поведенческий репертуар, в результате возникают серьезные конфликты в ходе аккультурации. Причем, источники возникших проблем находятся не в культуре, а в межкультурном взаимодействии (Лебедева 1997).

туры этих групп (табл. 1, табл. 2). Так, в семьях русских меньше детей, подростков, молодежи до двадцатилетнего возраста. Если в целом по стране население до двадцатилетнего возраста составляет 27,1 проц., то у русских эта возрастная группа значительно меньше и составляет 18,1 проц. (табл. 2).

Однако не ясно, является ли данная ситуация результатом миграции активного и молодого населения (и, соответственно, постепенного «старения» этнической группы) или на нее оказывают влияние и ассимиляционные процессы. Или же подтверждается известная тенденция, что у городского, более обеспеченного населения меньшая рождаемость?

Актуальность изучения ситуации русских традиционно связывается и с наличием значительного русскоязычного сегмента в странах Балтии. Этим термином обычно обозначаются лица нерусского происхождения (украинцы, белорусы, татары, евреи и др.), которые в результате этнокультурной адаптации сблизилась с русскими и были ассимилированы (Русские в новом зарубежье 1994: 4). Ассимиляционные процессы в советский период стимулировались едиными системами просвещения, средств массовой информации, управления на русском языке. Однако, несмотря на то, что для этих людей русский язык является основным языком общения (а зачастую они определяют его как родной и соотносят себя с русской культурой), по большей части они не утратили своей этнической идентичности. Наличие таких промежуточных групп стабилизировало советское общество, отчасти предотвращая этнические конфликты. В новых условиях русскоязычные группы населения оказались в положении, близком к русским, что подтверждают и статистические данные Литвы (табл. 2, табл. 3).

Предпосылка: обзор ситуации советского времени

Русские и русскоязычное население в Литве, как и прочих постсоветских государствах, оказались в несколько иной ситуации, нежели другие этнические группы. Объективно и субъективно это связано с особым статусом русских в бывшем СССР. Социальное, языковое, этнокультурное и политическое доминирование не стимулировало адаптационные навыки русских. Из-за обширного территориального расселения и государственного статуса языка русским в меньшей мере, чем другим народам бывшего Союза, было присуще ощущение этнической территории. В результате всех этих причин образ *СССР как общей и единой Родины* был сформирован в сознании у значительной части русского населения (Савоскул 1994: 5). Политика социального протекционизма по отношению к титульным народам республик и автономий со времен «хрущевской оттепели»

отчасти регламентировала мобильность русских, однако для значительной части местного русского населения потолок социального роста был достаточно высоким.

К началу 1990-х годов почти 60 проц. русских в Литве работало в индустриальных отраслях, что превосходило соответствующий показатель во всех других бывших союзных республиках, включая Россию. Большинство городской русской интеллигенции в советский период было занято на производстве (53 проц.), по численности научных сотрудников русские Литвы занимали среди русского населения других республик бывшего Союза предпоследнее место, а художественно-творческой интеллигенции – последнее (Тишков 1997).

Подобные особенности отраслевого и социально-профессионального состава русских и литовцев имели место в Литве на протяжении многих лет и стали привычными. Хотя слабое представительство русских в структурах управления, среди гуманитарной, научной и творческой интеллигенции и вызывало недовольство у части русского населения, в то же время отраслевое разделение труда многими не воспринималось как дискриминация. Напротив, прочно занимая определенную нишу в хозяйственной структуре Литвы, русские ощущали свое положение достаточно стабильным, что проявилось, в частности, в сравнительно низком уровне миграции русских из республики в советский период. Впоследствии это отразилось на особенностях адаптации русских к новым социальным условиям, так как в трудовой сфере у русских обострились многие специфические проблемы (например, в трудоустройстве работников военно-промышленного комплекса, авиа- и морского транспорта и т. п.).

Со временем русские в каждой из республик Балтии заняли свою нишу, которая их в достаточной мере устраивала. К тому же, их социальный статус был сравнительно высоким по отношению как к титульному населению, так и к русским в России (Арутюнян 1992). Это было связано не только с тем, что мигранты советского времени традиционно были более молодыми, образованными и социально активными людьми (а русские в странах Балтии в своем большинстве являются мигрантами в первом, во втором или, реже, – более отдаленных поколениях) (табл. 4). В значительной массе они были квалифицированными специалистами, занятыми в индустрии, строительстве, транспорте и других приоритетных отраслях советской экономики, что ставило их в более привилегированное положение по отношению к другой части населения. Распад Союза и радикальная социальная трансформация общества лишили их подобных привилегий. Оказались разрушенными прежние социальные ниши. Новая ситуация и новый статус поставили русское (и русскоязычное) население не только перед необходимостью гражданского самоопределения, но и выбора стратегии социальной и культурной

адаптации. Поэтому анализ должен включать различные социальные и культурные аспекты ситуации недоминирующих этнических групп, а не акцентировать лишь их политическую лояльность. Как проходит адаптация лиц из этнического меньшинства? Как они конкурируют в новой социальной и политической ситуации, где именно в результате они оказываются в социальной структуре общества? Для социальной политики наиболее актуальными представляются основные институционные модели (и, соответственно, их изменения). Однако в общественном сознании и публичных дебатах ситуация этнических меньшинств не воспринимается как реальная актуальность общества. Позитивное решение правовых проблем на начальном этапе государственности Литвы («нулевой» вариант предоставления гражданства) воспринимается как достаточное условие для развития и становления демократического общества. Вопросы политики социальной интеграции (инкорпорации) мигрантов также не находят должного внимания. Показательно, что даже известный поборник демократических ценностей – неправительственная организация Литвы Институт гражданского общества – в своей попытке проанализировать изменившееся общество страны за последние шестнадцать лет не счел нужным в своей работе уделить должное внимание ситуации групп этнических меньшинств⁶.

Социальное неравенство этнических групп, изоляция меньшинственных групп, сопутствующие проблемы нетерпимости, дискриминации не только остаются без должного внимания, но зачастую затруднено определение основных факторов, которые влияют на содержание этнических процессов. Иными словами, остается неясным, почему при одинаковых формальных (юридических) правах в обществе проявляются этнические аспекты социальной дифференциации.

Почему ситуация отбора на рынке труда, неизбежная в условиях социальной конкуренции, может стать проявлением неравенства, дискриминации той или иной этнической группы? При этом следует учитывать и то обстоятельство, что не всегда социальные противоречия возникают на основе реальных различий в статусе групп. Подобные противоречия часто основаны на интерпретациях социальных иерархий в обыденном сознании, кристаллизованных в соответствующих мифологемах, которые, в свою очередь, становятся своеобразными групповыми интерпретациями реальности, озвученными лидерами или экспертами (Дробижева 2002).

⁶ Lietuvos tauta: būklės ir raidos perspektyvų analizė. Tyrimą parėmus Lietuvos Respublikos Seimo kanceliarijai atliko „Strateginių studijų centras“ ir „Pilietinės visuomenės institutas“. / Народ Литвы: анализ ситуации и перспектив. Институт гражданского общества, Центр стратегических исследований. Проект финансируван канцелярией Сейма Литовской Республики. Доступно в Интернете: <<http://www.civitas.lt/lt/?pid=74&id=38>>.

Особенности этнических групп Литвы: результаты опроса

Перепись 2001 г. показала, что после восстановления государственной независимости произошли изменения этнического состава населения Литвы (табл. 1). Отметим, что перепись 2001 г. зафиксировала уровень наиболее высокого удельного веса литовцев (по сравнению с предшествующими периодами истории) на территории современной Литвы. В период между предпоследней и последней переписями населения (1989–2001 гг.) значительно уменьшилось число русских: с 345 до 220 тыс., несколько уменьшилось число поляков – с 258 до 235 тыс., заметно снизилась численность белорусов – с 63 до 43 тыс., украинцев – с 45 до 22 тыс., евреев – с 12,4 до 4 тыс. человек. Поляки из второй по количественному составу стали первой этнической меньшинственной группой. Из данных Департамента статистики Литвы следует, что число литовцев уменьшилось из-за миграции и уменьшения натурального прироста населения, поляков – в основном также из-за уменьшения натурального прироста. Уменьшение численности русских в основном предопределила эмиграция (Касаткина 2004).

Анализ этнической композиции Литвы позволяет сделать предположение об этнических особенностях социальной иерархии общества. Это положение было подкреплено убеждением, что, несмотря на предоставленные равные права гражданам Литвы всех национальностей, социальное неравенство этнических групп продолжает сохраняться, что, в свою очередь, стимулировало и актуализировало исследование процесса адаптации этнических групп⁷. Мы полагали, что изучение адаптации позволит лучше понять, как стремления и возможности индивидов из разных этнических меньшинственных групп находят поддержку доминирующего общества (Kasatkina, Leončikas 2003). Однако основной вопрос – что же представляют из себя этнические группы Литвы – остался невыясненным и после исследования адаптации этнических групп. Проведенное исследование позволило ответить на другой вопрос – почему адаптация является существенной проблемой этничности современного общества и выявить содержание различных типов адаптации.

Для оценки взаимосвязи культурной идентичности и социальной адаптации использовалась концепция аккультурации Дж. Берри, основанная на взаимосвязи двух основных критериев – соотношение со своей культурной идентичностью и фактор участия в обществе большинства. В результате комбинаций данных факторов выделяются ассимиляция, интеграция, сепаратизм и маргинальность (Berry 1997). Таким образом, успех

⁷ Социологическое исследование адаптации проводилось в шести городах Литвы в 2001–2002 гг. Результаты представлены в (Kasatkina, Leončikas 2003).

социальной адаптации зависит от того, каковы стремления индивидов, а также от того, есть ли у индивида возможность реализовать их в обществе. Основными составляющими адаптации этнических групп являются этнокультурная идентичность и социальный статус. В ходе достижения индивидом статуса и реакции окружающей среды складывается один или другой результат (тип адаптации).

Почему мы называем типами адаптации то, что Дж. Берри назвал стратегиями аккультурации? Берри уделял внимание установкам индивида и расценивал их как осознанный выбор, поэтому в контексте психологического исследования определенные варианты аккультурации вполне обоснованно названы стратегиями. В своем исследовании основное внимание мы уделили социальному контексту: не все зависит от индивида, поэтому тип адаптации более многомерен, чем стратегия индивидуального поведения. Стратегией является достижение статуса, который каждый избирает по разумению успеха и возможностям. При этом ситуация достижения статуса – приносит ли он удовлетворенность и как при этом меняется этническая идентичность – оценивается как результат адаптации: интеграция, ассимиляция, маргинальность или сепаратизм (схема 1).

СХЕМА 1. Типы адаптации

Тип адаптации	Удовлетворенность достигнутым статусом	Сохранение этнической идентичности
Интеграция	+	+
Ассимиляция	+	-
Маргинализация	-	-
Сепаратизм	- +	+

Источник: Касаткина, Н. «Особенности адаптации этнических групп в современной Литве». In: *Социологические исследования*. 2004, № 5 (241). С. 46–54.

Тенденции идентификации. В ходе исследования респондентам предлагалось ответить на вопрос *кто я?*, на который следовало дать около двадцати ответов. Среди респондентов различных этнических групп прослеживаются одинаковые тенденции самоидентификации: преобладает идентичность члена семьи (*мать, отец*, и т. д.), профессия, или индивид отмечает свои качества (*добрый, красивый*). Среди русскоязычных респондентов чаще следовали ответы на вопрос *какой я?*, чем *кто я?* Однако во всех этнических группах наиболее важные для респондентов категории оказались сходными. Основные различия среди опрошенных этнических групп отмечены в категориях этничности, профессии и позитивных свойств.

Во всех этнических группах в идентификации респондентов доминируют социальные и этнические категории. Наименее ощутимы различия

этнических групп в определении таких социальных категорий, как люди той же профессии, сотрудники, люди того же поколения. Однако если различие в выборе социальных категорий незначительно, то этничность имеет разное значение для различных этнических групп. В выборе наиболее важной категории литовцы, русские и поляки часто называли социальные группы, а представители исторических диаспор татары и евреи – этнические категории. Кроме того, татары и евреи чаще, чем представители иных этнических групп, декларировали свою принадлежность к общественным этническим организациям.

Среди русских и поляков отмечены две противоположные тенденции территориальной идентичности. Поляки наиболее прочно связывают себя с Литвой. Территориальная идентификация поляков сходна с аналогичной идентификацией литовцев, более интенсивная идентификация с территорией Литвы отмечена среди татар. Русские и евреи менее всего идентифицируют себя с территорией Литвы. Тридцать один процент русских не соотносит себя с жителями Литвы. Однако слабую идентичность с территорией Литвы не следует объяснять как характерную черту диаспоры, так как соотнесение с соотечественниками за рубежом среди русских также не проявлено (наиболее интенсивно эта идентичность проявляется в Висагинасе).

Вербализация современной этничности отчетливо прослеживается в материалах интервью. Обычно этничность осознается банально и шаблонно, подтверждая высказанное предположение, что это – будничная часть повседневной жизни. Лишь в исключительных случаях этничность определяется подробно, ярко (мы определяем это как «мобилизованную» этничность), однако в других случаях она вербализуется очень расплывчато, без проявления своего мнения (что свойственно «угасающей» этничности) (Kasatkina, Leončikas 2003).

Этническая толерантность и социальная дистанция. Литовцы в процессе исследования проявили себя как наиболее разборчивые в отношениях с людьми других национальностей и культур (по сравнению с русскими и поляками), среди них оказалось наибольшее число людей, отвечавших, что всегда могут опознать людей другого этнического происхождения, в то время как большая часть русских и поляков декларировали, что они не замечают этничность индивида. Это подтверждают и вторичные результаты исследования: интервьюеры отмечали, что русские чаще всего заполняли шкалу Богардуса почти автоматически, в то время как литовцы подолгу обдумывали свои ответы. Основная линия изоляции литовцев – связи в первичных группах (браки), однако первой предпочтительной группой в браке после «своей» оказались русские (затем следуют американцы, поляки, украинцы). Другие исследования, такие как Европейское исследование ценностей, также подтверждают характерную для литовцев

более высокую степень этнической закрытости: 33 проц. литовцев считают, что этническое происхождение супругов имеет значение для успешной супружеской жизни; 51 проц. – не думает, что это важно; в то же время 70–74 проц. русских и поляков считают, что это совсем не важно (Leončikas 2000). Измерение уровня социальной дистанции позволяет отметить различия замкнутости первичных связей и уровня этнической толерантности в разных этнических группах. Однако всех жителей Литвы объединяет одинаковый уровень нетолерантности к цыганам, мусульманам и евреям.

По данным исследования Европейских ценностей, нежелательные из-за своей идентичности категории людей за минувшее десятилетие остались стабильными: другая раса или другая национальность, при этом иммигранты, евреи и мусульмане являются основными нежелательными группами. Негативное отношение к другим нежелательным категориям, таким как алкоголики, бывшие преступники, меняется, а установки по отношению к людям другой этнической идентичности остаются на прежнем уровне. Мы делаем предположение, что этнической нетолерантности может сопутствовать высокий уровень этнического опознания, который существует в повседневной жизни и в обыденном сознании (табл. 5).

Этническая замкнутость или изоляция? Исследователи неоднократно отмечали, что несмотря на материализацию общества в этнических группах сохраняется стремление предпочтения в личных контактах представителей своих этнических групп. Связи личного характера обычно называются первичными, в то время как общественные связи – вторичными. Вторичные отношения – это общественные связи, почти соответствующие публичной сфере жизни человека. Данные исследования показали существование небольшого, но вполне проявленного сегмента нетитульных этнических групп, связь которого с этническим большинством весьма ограничена. Несмотря на законодательные предпосылки структурной ассимиляции (т. е. равные права), существует совпадение этнических сегментов и социальной сферы. Около четвертой части русских и пятой части поляков не имеют родственников других национальностей или с ними не общаются, среди татар таких – 16 проц., среди евреев – 18 проц. Однако наиболее проблематичным явлением для хода адаптации является то, что 21 проц. евреев, 17 проц. татар и 13 проц. русских и поляков практически не имеют друзей среди литовцев. Отчасти неожиданностью явилось то, что около половины русских и польских респондентов (44–45 проц.) работают в этнически монолитной среде; среди евреев таких – 30 проц., среди татар – 23 проц. Следует отметить, что тенденция к этнической изоляции как одна из форм адаптации инонациональных жителей Литвы существует, но не следует интерпретировать эти данные как организованные формы сепаратизма. Этнически ограниченные контакты

свидетельствует о реальных социальных связях человека, а не о его предпочтении. Иными словами, можно констатировать некоторую тенденцию к этнической изоляции, не ответив при этом на вопрос о ее предпосылках. Любопытен также тот факт, что каждый пятый респондент считает, что для получения хорошей работы важно быть литовцем. И тем не менее нельзя не отметить, что в деловых отношениях современной Литвы преобладают открытые, этнически многообразные связи. Зафиксированные различия статусных групп еще раз подтверждают, что для исследования адаптации актуальна схема социальных статусов. Этническая изоляция выявлена лишь в некоторых социальных сегментах и не является одинаковой в различных социальных группах.

Оценки изменения статуса. Весьма существенным для целей настоящего исследования был ответ на вопрос, как изменился социальный статус респондентов по их оценкам. Значительная часть литовцев ответила, что они поднялись, в то время как русские ответили, что опустились по ступеням социальной иерархии (табл. 3, диагр. 1). Эта тенденция среди русских не является региональной, она отмечена во всех местах проживания респондентов. Она подтверждает предположение, что социальное самоощущение (более, нежели формальные политические права) является чувствительным вопросом для оценки ситуации русских в Литве. Однозначно не подтвердилось предположение, что оценка социального положения связана со спецификой региона. В последнее время было распространено мнение, что подобная проблема актуальна для Висагинаса из-за неясной перспективы города. Напротив, в ходе нашего исследования русские жители Висагинаса отмечали стабильность своего положения, т. е. что их положение за последние десять лет не изменилось. Положительная оценка изменения статуса связана с более высоким социальным статусом, уровнем образования и возрастом. Однако всех этих факторов недостаточно для объяснения различия оценок в этнических группах. Доходы семьи и субъективные оценки своего материального положения не показали, что в нашей выборке группа русских значительно отличается от группы польских и литовских респондентов. Доходы опрошенных русских незначительно ниже доходов литовцев и сходны с доходами поляков, в то же время субъективные оценки поляков аналогичны самооценкам изменения социального статуса литовцев. Поэтому вполне вероятно, что на социальное самоощущение оказывают влияние символические аспекты социальных связей, а не объективная материальная дифференциация. К этому следует добавить, что среди русских и поляков отмечено более явно выраженное чувство социальной нестабильности: они чаще отмечали угрозу потери работы для членов их семей. Результаты исследования свидетельствуют о том, что политический фактор не является существенным для оценки изменения: в то

время как русские отмечают плохое «социальное самочувствие», они практически не отмечают нарушения своих гражданских прав. Вполне возможно, что социальное самоощущение русских связано не столько с восстановленной государственной независимостью Литвы, сколько с социальными переменами в независимом государстве. Подобная оценка социального положения может быть одним из существенных индикаторов меньшинственных групп в обществе. Такая группа может быть проявлена как этническое меньшинство или диаспора.

Обычные свойства этнической группы среди русских Литвы не проявлены: низок уровень идентификации с территорией страны проживания, со своими соотечественниками в Литве или со своими единоверцами. Среди категории самоидентификации конфессиональная идентичность русских очень незначительна. Мнение, что ухудшилось социальное положение, и субъективные данные общественной политической пассивности свидетельствуют не только о кризисе идентичности, но и о проблемах адаптации. Наиболее значительное отличие в оценках от соответствующих показателей этнического большинства зафиксировано в группах с низким социальным статусом и с низким уровнем образования, что неопровержимо свидетельствует о взаимосвязи социального положения и результатов интеграции (Касаткина 2004).

Однако интеграция не всегда свидетельствует о социальном успехе или является результатом свободного выбора. Ситуация, когда интеграция представляется как достижение индивидом желаемого статуса в условиях сохранения этнической идентичности, можно назвать оптимальным сценарием в демократическом обществе. И тем не менее, следует оценить контекст и усилия, которые необходимы для достижения подобного результата. Доминирующее этническое большинство для достижения меньшинством политической лояльности и привития ему гражданских навыков возлагает на него тяжелую ношу, часто не осознавая этого. В обществе рефлектируется, как успешно меньшинства усваивают культуру этнического большинства (государственную культуру), какова степень и формы участия меньшинств в становлении гражданского общества, в политической жизни страны. И хотя эти условия соответствуют этике и нормам современной демократии, следует обратить внимание на то, в состоянии ли меньшинства преодолеть эту планку требований, т. е. необходимо оценить «интеграционную усталость». Меньшинствам предлагается стать полноправными гражданами страны, сохраняя этническую идентичность и одновременно приобретая новые навыки членов Европейского сообщества. Все это зачастую превышает реальные возможности меньшинственных групп.

Ассимиляция не является драмой, как она зачастую представляется в современном обществе, поэтому следует различать ассимиляционные

процессы на групповом и индивидуальном уровнях. Для индивида ассимиляция может протекать вполне естественно и безболезненно в том случае, если индивид имеет права и возможности перейти из одной этнической группы в другую, сохраняя за собой право выбора. В современном обществе проявление этнического происхождения дает как выгоды, так может повлечь за собой и определенные лишения. Этническая идентичность может быть определена как способ достижения социальных, экономических или других целей индивида или группы. Таким образом, право на ассимиляцию может быть индикатором современной демократии. В этом контексте принципиально важным является возможность добровольного выбора, ситуация, когда члены меньшинственных групп не испытывают принуждения («ассимиляционного пресса») со стороны большинства.

Социальные перемены представляются благоприятными для проявления маргинальности. Фрагментарная идентичность, ухудшение социального положения, ограниченность социальных контактов – все это позволяет предположить, что маргинальность может стать проблемой не только для отдельных слоев общества, но и для этнических групп в целом. Маргинальность создает предпосылки для девиантного поведения: маргинальные группы не только являются социально незащищенными, но и представляют собой удобный объект для всевозможных манипуляций (Касаткина 2004).

Этническая замкнутость в общих чертах определяется неблагоприятной ситуацией индивида вследствие всевозможных ограничений. Однако результаты исследований свидетельствуют о том, что сепаратизм может являться формой рациональной стратегии для достижения целей индивида. Кроме того, сепаратизм (этническая замкнутость) является для человека благоприятной и удобной формой существования, т. е. складывается ситуация, когда семейные, дружеские, профессиональные, общественные отношения не выходят за рамки одной этнической группы. В этом случае многонациональная клиентура среднего и мелкого бизнеса вовсе не противоречит этнически замкнутым профессиональным (а в более широком плане – вторичным) отношениям. Комфорт подобного сепаратизма и его выгоды являются вызовом обществу, в котором гражданская пассивность становится нормой. Низкий уровень активности и недостаточность гражданских навыков не в состоянии противостоять подобным формам адаптации индивидов в обществе. Но еще более парадоксальным может показаться факт, что зачастую неправительственные организации меньшинств не способствуют развитию диалога между гражданами и государством, а превращаются для членов организации в ниши, этнически изолированные от остального общества.

Элементы этнической структуры общества: этническая группа, меньшинство, диаспора

Проведенное исследование подтвердило предположение, что в обществе, в котором гарантировано равенство гражданских прав, адаптация людей разных национальностей все-таки различна, но до конца не объяснило причин социального неравенства этнических групп. Признавая факт многообразия этнических классификаций, следует отметить, что этническая структура современной Литвы наиболее адекватно определяется понятиями «этническая группа», «этническое меньшинство», «диаспора» и «граждане иноэтнического происхождения». «Этническая группа» является нейтральным и универсальным социальным термином для определения различных этнических сегментов общества, тогда как «этническое меньшинство», «диаспора» и «граждане иноэтнического происхождения» указывают на разный тип социальной организации и на различный характер взаимоотношений меньшинства и большинства. Термин «меньшинство» подразумевает не только численность и многообразие, но и иерархию, которая проявляется в самочувствии и поведении индивидов. Модель диаспоры характеризует и определенную модель адаптации, в которой индивиды осознают свою общность, и в то же время их позиция ограничена определенной социальной нишей. Категория «граждане иноэтнического происхождения» включает в себя как интеграционную, так и ассимиляционную стратегию адаптации.

Этническое меньшинство определяется как категория реального или воспринимаемого неравенства, а не заимствованная из правового и политического дискурса описательного, нейтрального характера. Категории этнического большинства и меньшинства соотносятся с неравенством и дискриминацией (в том числе и неформальной): «существенной чертой группы меньшинства является то, что ее члены подвергаются дискриминации или несправедливому обращению из-за своих «недостатков» (Смелзер 1994: 308).

Следовательно, этническая группа, оказавшаяся в неравном положении по сравнению с другими этническими группами или став объектом дискриминации, которую она не в состоянии преодолеть, может быть определена как меньшинственная группа. Несмотря на формальные критерии равенства, большое значение имеет субъективная оценка ситуации, социальное самочувствие членов этнических групп. Подобное самочувствие определяется не только правовым положением меньшинства, его во многом формирует и коллективный опыт данной группы, реальный или осознаваемый, опыт взаимодействия и сосуществования с этническим большинством, установки (и стереотипы) доминирующей группы по отношению к меньшинственной группе. Конечно, следует заметить, что

современные этнические меньшинства не обязательно являются общинными организациями, члены которых испытывают чувство солидарности и лояльности друг к другу.

В том случае, когда индивиды этнических меньшинств осознают свое субординационное положение и в то же время стремятся сохранить собственную этнокультурную идентичность, в обществе создается диаспора (Sheffer 1986). Для этого должна сформироваться адекватная структура, которая сможет обеспечить существование данной этнической группы во времени. «Без органического растворения человека в группе, без разветвленной системы норм, правил поведения, институтов, связей, жесткой структуры подчинения и покровительства, внутригрупповой иерархии, строжайшего взаимного контроля и суровых санкций к нарушителям – выжить в чужом окружении было просто невозможно» (Дятлов 1999: 18). Согласно В. Дятлову, подобная ситуация не являлась (и не является) результатом свободного выбора: корпоративизм, общинная солидарность были не только единственно возможной, естественной формой устройства жизни, не только условием выживания в чужом и враждебном мире, но и важнейшей предпосылкой делового успеха (Дятлов 1999). Вполне можно предположить, что в постиндустриальных обществах актуальность социальных проблем диаспор, как и острота групповой конкуренции на этнической основе, снижается. Однако проблема диаспор в целом не утрачивает своей остроты. В результате миграции, или даже не меняя места жительства, миллионы людей оказались в положении этнических меньшинств, будучи зачастую поставлены перед проблемой выбора между эмиграцией и жизнью в новом статусе. Становление «новых диаспор» – не досконально изученная проблема, однако можно отметить, что в этом явлении черты «классических» диаспор сочетаются с совершенно новыми свойствами.

Говоря об особенностях организации этнических образований, можно предположить, что в Литве недоминирующие этнические группы могут быть проявлены как меньшинства, диаспоры или как часть гражданского общества (т. е. граждане страны). Реальное или предполагаемое неравенство может конструировать или усиливать меньшинственную идентичность. В этой ситуации определенную опору меньшинства обретают в процессе организации диаспор, хотя создавшаяся ситуация может быть оплачена потерей полноценных контактов с большинством. Модель диаспоры характеризует и определенную модель адаптации, в которой индивиды осознают свою общность, и в то же время их позиция ограничена определенной социальной нишей. При наличии прав и свобод формируется равноправная гражданская общественность, где недоминирующие этнические группы смогут проявиться как «интегрированные меньшинства». Эти типологические различия отражают особенности и

исход адаптации в самом общем виде и в долгосрочной перспективе. Но вполне вероятно, что эти различия могут встречаться и быть актуальными в исследованиях обществ и других государств – притом не только постсоветского пространства, но и тех, которые испытывают приток иммигрантов сходных этнических групп.

Наверное, одним из основных вопросов для последующих исследований – влияние структуры общества на ситуацию той или иной этнической группы – является тот, который позволит выявить наиболее существенные факторы, определяющие положение этой группы в обществе. Для этого предстоит выяснить, как происходит адаптация одной и той же этнической группы (с одинаковым социальным капиталом и, соответственно, сходными адаптационными навыками) в разных обществах. И, наконец, как и какие факторы социальной политики определяют ситуацию этнической группы в структуре общества. В качестве возможного ответа на этот вопрос представлю схему основных элементов этнической структуры общества (схема 2).

СХЕМА 2. Определение элементов этнической структуры общества

Основные элементы	Сохранение этноконфессиональной идентичности	Гражданские права	Общинная консолидация	Социальная интеграция		
				Удовлетворенность социальным статусом	Наличие социальной «ниши»	Экономическая ситуация
Доминирующая этническая группа	+	Предоставлены все гражданские права	+ ?	+	-	?
«Этническое меньшинство»	+	Ущемление прав	- +	-	+ -	?
«Диаспора»	+	Ущемление прав	+	- +	+	?
«Граждане иноэтнического происхождения»	-	Предоставлены все гражданские права	-	+	-	?

Гипотетически основными факторами, определяющими положение той или иной этнической группы в обществе, могут быть: *отношение ее членов и возможность сохранения этноконфессиональной идентичности, правовые (формальные) условия и политика государства, а также уровень общинной (групповой) консолидации и социальной интеграции*. При исследовании этноконфессиональной идентичности, помимо традиционного внимания к

языковой ситуации (уровень знания государственного языка, билингвизм, интенсивность общения на родном языке), уровню религиозности, оценкам статуса родной и доминирующей культуры, особое внимание уделяется ассимиляционному поведению и стратегии сохранения этнической идентичности. Так, у «граждан иноэтнического происхождения» это происхождение не утрачено, оно *опознаваемо*, но для большинства утрачена актуальность его сохранения и влияния на личность (Лаллукка 1977: 25). В данной группе ассимиляционные процессы достаточно интенсивны. Для членов диаспор ассимиляция нежелательна и зачастую невозможна, для доминирующего общества они не *«свои»*. Для большей части «этнического меньшинства» ассимиляция из-за установок большинства невозможна, их ассимиляционная стратегия не поддерживается большинством.

Правовая ситуация оценивается по предоставлению членам групп равных гражданских прав, соблюдению условий равноправия. Особую важность приобретает субъективная оценка ситуации, самочувствие членов этнических групп. Таким образом, помимо формальных критериев равенства, предполагается исследование оценок членами групп своей ситуации и опыта взаимодействия, сосуществования, а также установки доминирующей группы по отношению к меньшинствам.

В качестве определяющих параметров общинной (групповой) консолидации предполагается исследование программ взаимопомощи среди членов групп, участие и эффективность действия организаций. Для определения этого параметра следует определить, какова стратегия (и есть ли она) и каковы приоритеты меньшинственных групп для удовлетворения основных социальных потребностей своих членов. И, главное, какие ресурсы используются – собственные (групповые) или обращаются за помощью к государству проживания, к исторической родине или к международным организациям. Примером общинной консолидации может быть модель диаспоры, которая, в свою очередь, может использовать любую стратегию и любые ресурсы для обеспечения существования своей группы, но, главное, – у нее есть для этого адекватные структуры и навыки. У «меньшинств» собственные социальные системы являются фрагментарными и находятся под большим воздействием, зависимы от большинства. Интересы и потребности доминирующей группы выражает и удовлетворяет государство, однако, в отличие от диаспор, у доминирующего большинства может не быть этнической мобилизации и общинной консолидации.

Социальную интеграцию определит несколько параметров. Во-первых, оценка удовлетворенности достигнутым социальным статусом, кроме того, уровень мобильности и наличие определенных социальных ниш как препятствий для социальной энтропии и равенства групп. Концентрация членов групп в определенной социальной страте может быть свидетельст-

вом как дискриминации, так и отсутствия необходимых социальных ресурсов и навыков. Экономическую ситуацию групп предполагается определить по уровню безработицы, доходам и профессиональной структуре (что тесно связано с социальной нишей).

В заключение следует отметить, что предложенная схема определения основных категорий этнической структуры общества условна и недостоверна. Остались без внимания влияние систем просвещения, СМИ и сети неправительственных организаций на содержание и становление категорий этнической структуры. Ограниченный формат публикации не позволяет полностью обозначить содержание и взаимосвязь между факторами, определяющими ту или иную категорию общества. Это предстоит выявить в ходе сравнительного исследования положения русского населения Литвы, Латвии и Финляндии «Русские в Балтийском регионе: государство и меньшинство». Основной целью настоящей публикации было обсуждение предварительной модели исследования, которое должно раскрыть содержание социального неравенства этнических групп и подсказать возможные пути решения этой проблемы.

ЛИТЕРАТУРА

- Арутюнян, Ю. (ред.) (1992) *Русские: этносоциологические очерки*. Москва: Наука.
- Дробижева, Л. (ред.) (2002) *Социальное неравенство этнических групп: представления и реальность*. Москва: Academia.
- Дятлов, В. (1999) «Диаспора: попытка определиться в понятиях». In: *Диаспоры*. №. 1. С. 8–23.
- Касаткина, Н. (2004) «Особенности адаптации этнических групп в современной Литве». In: *Социологические исследования*. № 5 (241). С. 46–54.
- Лаллукка, С. (1997) *Восточно-финские народы России: анализ этнодемографических процессов*. Пер. с англ. Санкт-Петербург: Европейский дом.
- Лебедева, Н. (1997) *Новая русская диаспора: социально-психологический анализ*. 2-е изд. Москва: Институт этнологии и антропологии РАН.
- Раев, М. (1994) *Россия за рубежом: история культуры русской эмиграции: 1919–1939*. Пер. с англ. Москва: Прогресс-Академия.
- Савоскул, С. (ред.) (1994) *Русские в новом зарубежье: программа этносоциологического исследования*. Москва: Институт этнологии и антропологии РАН. С. 4–9.
- Смелзер, Н. (1994) *Социология*. Пер. с англ. Москва: Феникс.
- Тишков, В. (ред.) (1997) *Вынужденные мигранты: интеграция и возвращение*. Москва: Институт этнологии и антропологии РАН.
- Тишков, В. (2003) *Реквием по этносу: исследования по социально-культурной антропологии*. Москва: Наука.
- Berry, J. W. (1997) “Immigration, Acculturation and Adaptation”. In: *Applied Psychology: An International Review* 46 (1). P. 5–68.
- Berry J. W. (1990) “Psychology of acculturation”. In: Berman, J. (ed.) *Cross-Cultural Perspectives: The Nebraska Symposium on Motivation*. Lincoln: Univ. of Nebraska Press.

- Connor, W. (1997) "Beyond Reason: The Natures of the national Bond". In: Hutchinson, J.; Smith, A. D. (eds.) *Ethnicity*. Oxford, N.Y.: Oxford University Press, 1996. P. 69–75.
- Demographic statistics (1996) *Demographic statistics in the Baltic countries*. Tallinn, Riga, Vilnius.
- Kasatkina N.; Leončikas T. (2000) *Lietuvos etninių grupių adaptacija: kontekstas ir eiga: tyrimo modelis*. Vilnius: Eugrimas.
- Kasatkina, N.; Leončikas, T. (2003) *Lietuvos etninių grupių adaptacija: kontekstas ir eiga*. Vilnius: Eugrimas, 2003.
- Laitin, D. (1998) *Identity in Formation: the Russian-speaking populations in the near abroad*. Ithaca, London: Cornell University Press.
- Leončikas, T. (2000) „Vertybės ir visuomenės mažumos“. In: *Kultūrologija*. T. 6. Vilnius: Gervėlė/Kultūros ir meno institutas.
- Lietuva stojant į Europos Sąjungą: ekonominė, sociologinė ir demografinė padėties analizė* (2004) Vilnius: Socialinių tyrimų institutas. P. 171–179.
- Sheffer, G. (1986) "A New Field of study: Modern Diasporas in International Politics". In: Sheffer, G. (ed.) *Modern Diasporas in International Politics*. London: Croom Helm. P. 1–15.

Приложение

Таблица 1. Этнический состав населения Литвы. Статистические данные переписей (проц.)

Национальность	1923	1959	1969	1979	1989	2001	
						проц.	(тыс.)
Литовцы	69,2	79,3	80,1	80,0	79,6	83,45	2907,3
Поляки	15,3	8,5	7,7	7,3	7,0	6,74	235,0
Русские	2,5	8,5	8,6	8,9	9,4	6,31	219,8
Белорусы	0,4	1,1	1,5	1,7	1,7	1,23	42,9
Украинцы	0,0	0,7	0,8	0,9	1,2	0,65	22,5
Евреи	8,3	0,9	0,8	0,4	0,3	0,12	4,0
Латыши	0,6	0,2	0,1	0,1	0,1	0,08	3,0
Татары	0,1	0,1	0,1	0,1	0,1	0,09	3,2
Цыгане	0,0	0,1	0,1	0,1	0,1	0,07	2,6
Немцы	3,4	0,4	0,1	0,1	0,1	0,09	3,2
Армяне	-	-	-	-	-	0,04	1,5
Другие	0,2	0,2	0,1	0,4	0,4	0,18	6,1
Не указали	-	-	-	-	-	0,94	32,9
ВСЕГО	100	100	100	100	100	100	3484,0

Источники: Population Censuses in Lithuania. 1999. Vilnius: Statistics Lithuania; Lietuvos statistikos departamentas, 2002. Gyventojai pagal lytį, amžių, tautybę ir tikybą. Surašymas 2001 /Population by Sex, Age, Ethnicity and Religion. Population Census 2001. Vilnius: Lietuvos statistikos departamentas, 2002.

ТАБЛИЦА 2. Население Литвы по национальностям и возрастным группам (проц.)

	Все	Литовцы	Поляки	Русские	Белорусы	Украинцы	Евреи	Цыгане
Всего (100 проц.)	3483972	2907293	234989	219789	42866	22488	4007	2571
0-4	5,1	5,5	4,2	2,4	1,2	1,2	1,7	14,5
5-9	6,5	7,0	5,5	3,4	1,9	2,1	2,5	11,0
10-14	7,8	8,1	7,0	5,5	3,3	2,7	3,6	10,0
15-19	7,6	7,8	7,0	6,7	4,5	3,8	4,9	10,3
20-24	6,7	6,8	6,5	6,2	4,3	4,4	4,8	9,8
25-29	6,9	7,0	6,8	6,1	4,0	5,1	4,3	7,3
30-34	7,3	7,4	7,5	6,4	5,8	6,6	4,3	6,9
35-39	7,8	7,7	8,2	8,0	9,6	10,0	5,5	7,6
40-44	7,6	7,4	8,2	9,2	11,8	10,3	6,6	7,5
45-49	6,3	5,9	6,6	9,3	10,6	11,0	8,4	5,0
50-54	5,6	5,2	6,4	8,8	8,7	10,1	13,1	4,2
55-59	5,3	5,3	5,6	4,8	6,2	6,7	4,4	2,1
60-64	5,2	5,0	5,7	6,9	9,0	9,8	8,2	1,1
65-69	4,8	4,7	5,5	5,2	7,0	4,7	6,4	1,2
70-74	4,1	4,0	4,6	5,1	6,1	5,1	6,9	1,0
75-79	2,8	2,7	2,8	3,7	3,7	3,9	7,8	0,3
80-84	1,2	1,2	1,1	1,4	1,3	1,6	3,9	0,2
85+	1,1	1,1	1,1	0,9	1,0	0,9	2,6	-
До 20 лет	27,1	28,4	23,6	18,1	11,0	9,8	12,7	45,8

Источник: Population by Sex, Age, Ethnicity and Religion. Population Census 2001. Vilnius: Lietuvos statistikos departamentas, 2002.

ТАБЛИЦА 3. Уровень безработицы среди жителей Литвы по национальностям в 2002–2003 гг. (проц.)

	2002 г.	2003 г.
<i>Всего</i>	13,8	12,4
Литовцы	12,8	11,7
Русские	20,3	18,7
Поляки	17,8	13,9
Другие	17,4	15,3
Женщины		
Всего	12,9	12,2
Литовки	11,6	11,1
Русские	19,9	20,7
Польки	19,9	15,1
Другие	15,8	13,3
Мужчины		
Всего	14,6	12,7
Литовцы	13,9	12,2
Русские	20,6	16,8
Поляки	15,5	12,4
Другие	19,1	17,0

Источник: Darbo jėga, užimtumas ir nedarbas 2002/IV. Vilnius: Statistikos departamentas, 2003. P. 13–14. Darbo jėga, užimtumas ir nedarbas 2003/IV. Vilnius: Statistikos departamentas, 2004. P. 15–17.

Таблица 4. Уровень образования жителей Литвы в 1989 г. (чел. на 1 тыс. городских и сельских жителей старше 15 лет)

Национальность	Образование					
	Высшее	Незакон. высшее	Среднее спец.	Среднее	Незакон. среднее	Начальное
Литовцы	101	19	193	241	184	185
Мужчины	96	18	179	274	216	167
Женщины	106	20	204	212	157	200
Русские	168	20	230	291	163	86
Мужчины	183	20	217	319	172	69
Женщины	155	20	242	266	154	101
Поляки	44	10	148	299	185	213
Мужчины	40	9	144	333	212	194
Женщины	47	11	151	272	163	228
Белорусы	109	16	237	326	168	105
Мужчины	119	19	230	359	176	81
Женщины	100	13	243	297	161	126
Украинцы	197	22	287	305	129	45
Мужчины	217	22	270	321	129	35
Женщины	173	22	308	285	129	57
Евреи	372	36	190	207	114	64
Мужчины	406	36	184	201	110	52
Женщины	339	37	195	212	118	76

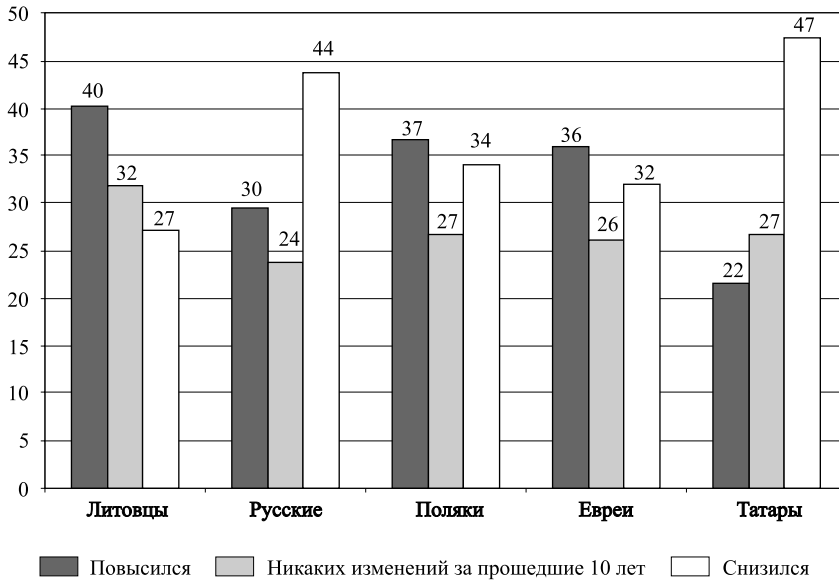
Источник: 1989 metų visuotinio gyventojų surašymo duomenys. Vilnius: Statistikos departamentas, 1991. III tomas. P. 95–109.

Таблица 5. Опознание национальности по этническим признакам (проц.)

	Отличаете ли Вы людей других национальностей?					ВСЕГО
	Я всегда могу отличить человека другой национальности	Я могу отличить представителей некоторых национальностей	Мне трудно отличить национальность человека	Я не обращаю внимания на этнические признаки, на национальности	Нет ответа	
Литовцы	27	28	11	33	1	100
Русские	12	17	11	60		100
Поляки	11	13	11	63	1	100
Евреи	25	20	11	42	2	100
Татары	28	29	5	38		100

Источник: Kasatkina, N.; Leončikas, T. Lietuvos etninių grupių adaptacija: kontekstas ir eiga. Vilnius: Eugrimas, 2003. P. 258.

ДИАГРАММА 1. Оценка изменения социального статуса за прошедшие 10 лет (проц.)

Источник: Kasatkina, N.; Leončikas, T. Lietuvos etninių grupių adaptacija: kontekstas ir eiga. Vilnius: Eugrimas, 2003. P. 273.

Rusai šiuolaikinėje Lietuvoje: mažuma, diaspora ar pilietinės visuomenės dalis?

Natalija Kasatkina

SOCIALINIŲ TYRIMŲ INSTITUTAS, LIETUVA

SANTRAUKA. Straipsnyje nagrinėjamos rusų ir rusakalbių gyventojų adaptacijos strategijos. Socialinė adaptacija suvokiama kaip individo siekių ir lūkesčių derinimas su jo galimybėmis, su visuomenės lūkesčiais ir reikalavimais. Siekiant įvertinti kultūrinio tapatumo ir socialinės adaptacijos sąsajas, straipsnyje pasitelkiama J. W. Berry akulturacijos koncepcija, tačiau kartu pažymima, kad adaptacijos tipas yra daugiau negu individualaus elgesio strategija. Tai, ar norimas statusas pasiektas, ar jis teikia patenkinimą, ir tai, kaip kinta etninis tapatumas – šiame straipsnyje įvertinama kaip adaptacijos rezultatas: asimiliacija, integracija, separatizmas ir marginalizacija.

Straipsnyje taip pat išskiriami ir apibūdinami visuomenės etninei struktūrai būdingi elementai, pagrindiniai daugumos ir mažumos grupių socialinės organizacijos, šių grupių tarpusavio santykių išraiškos tipai. Nedominuojančios etninės grupės gali reikštis kaip mažumos, diasporos arba piliečiai. Etninė grupė, atsidūrusi nelygioje padėtyje, palyginti su kitomis etninėmis grupėmis, arba tapusi diskriminacijos objektu ir nepajėgianti jos įveikti, tampa mažuma. Nepaisant formalių lygybės kriterijų, didelę reikšmę turi subjektyvi mažumų savijauta ir situacijos suvokimas. Šiam suvokimui svarbios ne tik formalios teisės, grupės kolektyvinė patirtis, tiesioginė ir simbolinė sąveika su daugumos nariais bei daugumos nuostatos (stereotipai). Reali arba numanoma nelygybė gali kurti arba stiprinti mažumų tapatybę. Kai atskiri etninės mažumos individai suvokia savo subordinuotos padėties bendrumą

ir siekia išsaugoti savo etnokultūrinį identitetą, formuojasi diaspora. Individualus adaptyvumas diasporose susijęs su gebėjimu išlaikyti savo tapatybę. Išlikimo prielaida buvo stiprus bendruomeniškumas, tačiau šiuo atveju turėjo susiklostyti stipri vidaus organizacija. Korporatyvizmas, bendruomenės solidarumas tapo svarbia ne tik išgyvenimo svetimoje aplinkoje sąlyga, bet ir profesinės sėkmės prielaida. Poindustrinėse visuomenėse diasporų vaidmuo sumenko, tačiau besiformuojančiose „naujosiose diasporose“ matyti ir „klasikinės diasporos“ bruožų. Galiausiai gali susiklostyti pilnateisių piliečių bendruomenė, kurioje nevyraujančios etninės grupės reikštųsi kaip „integruotos mažumos“.

Pagrindiniai žodžiai: VISUOMENĖS ETNINĖ STRUKTŪRA, RUSŲ MAŽUMOS ADAPTACIJA, ETNINĖ GRUPĖ, DIASPORA.

Russians in Contemporary Lithuanian Society: Minority, Diaspora or Part of Civil Society?

Natalija Kasatkina

INSTITUTE FOR SOCIAL RESEARCH, LITHUANIA

SUMMARY. This article analyses the strategies of adaptation of Lithuanian ethnic groups, focussing on Russians. Social adaptation is perceived as the consistency of individual expectations and abilities with society's expectations and demands. Aiming to evaluate the coherence between cultural identity and social adaptation, the author invokes the conception of Berry's acculturation theory, thereby indicating that the type of adaptation is more than a strategy of individual behaviour. The author estimates the results of adaptation such as assimilation, integration, separatism and marginalization by answering certain questions. Is the desired effect obtained? Does it give satisfaction? How is ethnic identity changing?

The author distinguishes and defines the characteristics of ethnic groups and the main types of social organisation and intercommunication of minority and majority groups. Ethnic groups (excluding the majority) can express themselves as minorities, diasporas or citizens. Such groups become minorities when inequalities occur compared to other ethnic groups or when they become an object of discrimination without the ability to fend off the situation. Despite formal criteria of equality, a subjective sense of being a minority and the perception of the situation play a significant role. This sense is influenced by formal rights, the collective experience of a particular group, direct and symbolic interaction with members of the majority and the majority's attitudes (stereotypes) towards minorities. Real or perceived inequality can create or generate the identity of minority groups. As individuals of ethnic minorities realise the affinity of their subordinated position and aim to preserve ethno-cultural identity, a diaspora may occur. Individual adaptation in diasporas is associated with the ability to sustain one's identity. The factor of survival is influenced by strong feeling of solidarity in substantial internal organisation. Collective feeling and solidarity of community became the main condition of survival in a strange environment and an important suggestion of professional success. In post-industrial societies, the role of diasporas has declined. Still, in "new diasporas" (which are developing), features of "classic diasporas" emerge. Finally, third option is a community consisting of citizens and giving minorities the opportunity to express themselves as "integrated minorities".

KEY WORDS: SOCIETY, ETHNIC STRUCTURE, RUSSIAN MINORITY ADAPTATION, ETHNIC GROUP, DIASPORA.